

ПРОФЕССОР ИВАН ШИШМАНОВ НА ЗАЩИТЕ БОЛГАРСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1912–1913 гг.

Н. С. Гусев

Гусев Н. С. Профессор Иван Шишманов в защита на българските интереси в Петербург през 1912–1913 г. В статията се разглежда дейността на българския професор Иван Шишманов за въздействие върху руското обществено мнение с цел формиране на необходимото отношение към България и нейните действия през Балканската война, след това и в териториалния спор за Македония. Шишманов излиза със статии в печата, опитва се да използва стария си приятел – П. Милюков, а през пролетта на 1913 г. пристига в Русия. Съпругата му Л. М. Драгоманова-Шишманова също заема активна позиция.

Ключови думи: Иван Шишманов; Лидия Драгоманова-Шишманова; Павел Милюков; Балканските войни; България; руското обществено мнение.

Гусев Н. С. Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. В статье рассматривается деятельность болгарского профессора Ивана Шишманова по влиянию на русское общественное мнение с целью формирования необходимого отношения к Болгарии и ее действиям в Первой балканской войне, а затем – в территориальном споре за обладание Македонией. Шишманов выступал в печати, пытался использовать своего давнего знакомого – П. Н. Милюкова, весной 1913 г. сам приехал в Россию. Активную позицию занимала и его супруга – Л. М. Драгоманова-Шишманова.

Ключевые слова: Иван Шишманов; Лидия Драгоманова-Шишманова; Павел Милюков; Балканские войны; Болгария; русское общественное мнение.

Gusev N. S. Professor Ivan Shishmanov on the defence of the Bulgarian interests in St. Petersburg in 1912-1913. This article is about the activities of the Bulgarian Professor Ivan Shishmanov to influence on Russian public opinion, with the aim of forming the necessary relationship to Bulgaria and its actions in the First Balkan war, and then in the territorial quarrel over possession of Macedonia. Shishmanov appeared in print, tried to use his old friend – P. Milyukov, in the spring of 1913 he came to Russia. The active position was occupied by his wife – L. M. Dragomanova-Shishmanova.

Keywords: Ivan Shishmanov; Lidia Dragomanova-Shishmanova; Pavel Milyukov; Balkan wars; Bulgaria; Russian public opinion.

В 1862 г. в Свиштове, на севере современной Болгарии, родился Иван Шишманов – ученый, политик и дипломат, весьма заметная личность в жизни Болгарии начала XX в. По преданию, его род восходил к династии Шишмановичей – последней династии правителей Второго Болгарского царства, павшего под ударами османов. Дед на турецкий манер носил фамилию Шишманоглу, принял австрийское подданство для получения преимуществ в ведении торговли. Отец же оказался «непутевым»: окончив торговую гимназию, побывал добровольцем в армии Габсбургов во время войны в Италии, а затем отправился путешествовать по Венгрии с немецкой театралной труппой. Вернувшись в родной Свиштов, он занялся публицистикой и литературой, создавая пьесы и переводя Шиллера. Указанная деятельность не способствовала успеху в торговых делах, и, разорившись, Димитр Шишманов был вынужден заняться преподаванием в школе. В 1875 г. он скончался, оставив семью в нелегком положении. Однако судьбе юного Ивана поспособствовал венгерский путешественник Феликс Каниц, приметивший мальчика и поручивший заботу о нем венскому обществу «Напредък» («Прогресс»), основанному Григором Начовичем. В 1876 г. после апрельского восстания и последовавшего его кровавого подавления Иван Шишманов покинул родину для учебы в Педагогической школе в Вене¹.

Окончив ее в 1882 г., он вернулся в родной Свиштов, стал учителем, однако молодое княжество остро нуждалось в образованных чиновниках, и Иван перешел на работу в Министерство народного просвещения. Долго там не задержался; получив государственную стипендию, продолжил образование в Йенском университете (Германия), а затем – в

Швейцарии. Так началась его карьера ученого. В 1885 г. после объединения Болгарского княжества и Восточной Румелии в Белграде посчитали, что баланс сил на полуострове нарушен, и объявили Болгарии войну. Сразу после получения известия об этом сообщество болгарских студентов в Женеве отправило призыв во французские и швейцарские газеты с просьбой поддержать справедливое болгарское дело. Согласно современникам, призыв составил И. Шишманов². Так началась его карьера пропагандиста.

После войны в Женеве он познакомился с преподавателем университета, эмигрировавшим из Российской империи украинским ученым и общественным деятелем М. П. Драгомановым. Тот оказал на молодого болгарина огромное влияние, предоставил в свое распоряжение библиотеку и вывел его в свет фольклористики³. Тогда же завязалось знакомство Шишманова с дочерью его патрона Лидией, затем ставшей женой. Дальнейшая биография И. Шишманова известна – с 1894 г. профессор на кафедре истории культуры и сравнительного литературоведения Высшего училища в Софии, в 1904–1907 гг. министр народного просвещения – и не представляет большого интереса в рамках данной работы. Трудов, посвященных биографии этого человека, множество. «Огромное пространство шишмановедения красноречиво само по себе. Едва ли можно перечислить все посвященные ему труды, статьи, отзывы, воспоминания, рецензии», – пишет болгарский историк Р. Конева⁴. И это действительно так, поскольку И. Шишманов вызывает у исследователей интерес и как ученый, и как политик. Тем не менее, попытка обобщить накопленные знания была предпринята в 2003 г.⁵

Однако в научной литературе достаточно мало встречается сведений о его деятельности пропагандиста до Первой мировой войны. Мы знаем, что в начале XX в. болгарский агент в Белграде М. Георгиев просил поэта И. Вазова, как министра просвещения, встретить как можно лучше русского профессора Е. В. Петухова, путешествовавшего по Балканам. Дипломат опасался, что сербы, прикрепившие к русскому профессору своего представителя, неверно осведомят его о некоторых вопросах, «а особенно о Македонии». На деликатную роль сопровождающего был назначен Шишманов⁶. Его активность в конце Первой мировой войны подробно описана в опубликованном дневнике⁷, роль в создании единого европейского пространства и в выводе Болгарии из изоляции в межвоенный период рассмотрена в нескольких трудах⁸. Но его попытки повлиять на русское общественное мнение во время Первой балканской войны не изучены. Этому и посвящена данная работа.

* * *

В 1912 г. по Балканам витал призрак войны – после терактов и последовавшей резни в Штипе и Кочани общественное мнение стран Балканского союза требовало немедленного объявления войны Османской империи. Европейский концерт был не готов к таким затруднениям – началу мировой войны требовалась отсрочка, и на Софию, Белград, Афины и Цетинье стало оказываться давление. Последней попыткой дипломатического нажима было совместное заявление, сообщенное от имени шести великих держав российскими и австро-венгерскими представителями властям в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах. Бурлящим странам в очередной раз обещали реализацию 23-й статьи Берлинского договора 1878 г. о проведении реформ в Македонии и предупреждали, что изменение территориального status quo Европейской Турции не будет допущено. Но не для того раскручивался маховик военной машины на Балканах. Направляя в Константинополь ноту с требованием скорейших реформ в Македонии под их контролем, страны-участницы Балканского союза не ожидали иного ответа, кроме отказа, и уже проводили мобилизацию войск. 5 октября* Болгария и Сербия, на следующий день – Греция, присоединились к Черногории, с 25 сентября уже воюющей с Османской империей. Началась Первая балканская война.

В балканских столицах прекрасно осознавали, что одни лишь победы на поле боя не могут обеспечить им территориальных приращений⁹. Для достижения желаемого им было необходимо воздействовать на правительства великих держав и попытаться заставить их проявить благосклонность к выдвигаемым требованиям, для чего следовало использовать европейское общественное мнение.

* Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю).

В Европу отправились сербские и болгарские эмиссары, при этом в Софии сразу же допустили грубейшую ошибку – Российская империя не рассматривалась как поле действий, требующее больших усилий, т.к. предполагалось, что симпатии русского общества и без того на стороне Болгарии.

Иван Шишманов, благодаря своему тестю, имел достаточно связей в русском обществе, но обладал и собственным проводником влияния – П. Н. Милоковым, с которым они познакомились еще в бытность последнего профессором Софийского университета в годы вынужденной эмиграции. Лидер кадетов, вспоминая то время, отмечал, что Шишманов оказался «самым близким ко мне и одним из самых выдающихся» профессоров университета¹⁰. Позднее Милоков, в свою очередь, заочно познакомил болгарского профессора с корреспондентом «Киевской мысли» в Болгарии, писателем Е. Н. Чириковым¹¹, позднее выпустившим книгу впечатлений о войне¹².

Однако с началом Балканских войн П. Н. Милоков выступил в печати в поддержку статус-кво на Балканах, и Шишманов в личном письме рассказывал ему о той невообразимой горечи, которую в Болгарии вызвала статья лидера кадетов¹³.

В это же время в «Русских ведомостях» вышла статья «Генезис и будущее балканского союза», 8 октября¹⁴ написанная Шишмановым, которого редакция газеты охарактеризовала как «одного из самых выдающихся и популярных деятелей современной Болгарии». Автор подчеркивал: «Жребий брошен», «всякие теоретические рассуждения о необходимости или уж[а]се войны вообще» уже излишни, необходимо понять причину происходящего. По его словам, вина за творимое в тот момент на Балканах насилие лежит всецело на дипломатах великих держав, не сумевших остановить «анархию в Турции и дать христианскому населению хотя бы элементарные условия для человеческого существования», потому и война по сути является результатом «окончательного разочарования в так называемом европейском концерте». Указав на вынужденный характер действий союзников, он перешел к доказательствам «блага» этой войны для цивилизации: стоит взглянуть на «сделанное для общечеловеческой культуры» турками и христианскими народами Балкан за последние десятилетия, и это убедит «и самого ярого туркофила, где прогресс и где политический маразм». Из слов Шишманова следовало, что объявление войны Турции не «самовольство» малых государств, а их вклад в развитие человечества, что должно было привлечь общественное мнение Европы на их сторону: «Для нас, балканцев, во всяком случае нет сомнения, что мы боремся за цивилизацию, свободу, правду и гуманность против варварства, тирании и несправия»¹⁵.

В это время в Петербург прибыл белградский профессор Р. Кошутич, который активно занялся пропагандой прав славян на раздел европейских владений Османской империи. Одними из первых подверглись его критике за свою нейтральную позицию прогрессивные круги российского общества. Согласно докладу петербургской «охранки», сербский ученый был крайне резок: «Кошутич обратился к профессору Максиму Ковалевскому с вопросом: правда ли, что русская прогрессивная демократия, проповедующая на словах свободу, равенство и братство, подчиняясь на деле еврейским капиталам, желает признавать эти принципы только в вопросах, касающихся евреев, и отказывается признавать их в отношении юго-славян, находящихся под турецким ярмом. Кошутич от имени всех организованных юго-славян требовал немедленного ответа от русского прогрессивного общества»¹⁶.

Это привело к тому, что 11 октября 1912 г. в квартире М. М. Ковалевского по его и П. А. Лаврова инициативе собралась «группа прогрессивных общественных деятелей». Там Милоков говорил, что «в России славянская идея является затасканной игрушкой реакционных кругов», а прогрессивная Россия «должна взглянуть на вопрос с широкой международной точки зрения». Однако пламенная речь Кошутича на всех произвела большее впечатление, при голосовании Милоков остался один: «Большинством всех против одного голоса было решено, что русское общество обязано прийти на помощь славянам», участники собрания составили обращение к обществу «с призывом о нравственной и материальной помощи балканским народам... и с выражением надежды, что русское национальное самосознание обеспечит за ними плоды их побед»¹⁷.

Обращение появилось 19 октября в разных газетах. Милоков его не подписал, и И. Шишманов ему сообщал тогда, что с удовольствием прочел о воззвании. «Но почему

отсутствовало Ваше, столь дорогое нам, имя, Павел Николаевич?», – с намеком вопрошал он. Хотя при этом не единожды в переписке сам выступал против т.н. «славянофилов» того времени, которых считал реакционерами, ратовал за то, чтобы славянские демократии перехватили у них знамя славянства¹⁸. «Умно ли оставлять только типам как Бобринский¹⁹ и Бобчев²⁰ у нас монополизировать общеславянские чувства», – задавал вопрос он еще в начале войны²¹.

Милоков старался дистанцироваться от подобных кругов. Вопрос позиции партии относительно Первой балканской войны обсуждался в ЦК кадетов. Милоков при поддержке А. М. Коллюбакина выступал против участия в работе славянских обществ. Среди аргументов называл «темный» состав участников этих организаций и необходимость сохранения индивидуальности. Большинство членов ЦК раскритиковали его позицию, и в итоге все-таки была «благословлена и материальная, и идейная поддержка славянам», а в «Речи» появилось воззвание П. Н. Милокова «Поддержите наших друзей»²². Шишманов отреагировал на него длинным письмом. В нем он выражал благодарность, предполагая, что в Болгарии воззвание вызовет восторг. В то же время, считал он, если прогрессивная часть русского общества на него не отзовется, то «нужно будет предположить, что русские **либеральные** (здесь и далее подчеркнуто автором – *Н. Г.*) круги все еще далеки от правильного понимания **своих и общерусских** интересов»²³.

15 ноября 1912 г. вышла вторая статья Шишманова в «Русских ведомостях», написанная неделей раньше, где он вновь обратился к неверному истолкованию исторических событий на Балканах. Автор отмечал «дифирамбический тон», которым пронизана вся пресса по отношению к болгарам, но это «количество фимиама» не вскружило им голову, поскольку они понимают, что в печати восхищаются лишь «массовыми успехами человекоубийственного оружия». А болгарину есть чем на самом деле гордиться: «Мы работали более века над нашим мирным возрождением. Даже при самых тяжелых условиях турецкого владычества успели мы зажечь многочисленные очаги умственного развития... Мы имеем в настоящее время свою науку, свою литературу, свое искусство». Но этого никто не видит. Болгарин же, на взгляд автора, понимал, что «настоящая война ведется не из любви к искусству, а что она была нам навязана, как историческая необходимость», и восхищаться своими успехами незачем. Потому-то «он и идет бороться со смертью не как кондотьер, а как убежденный апостол святого дела». Реагируя на появившиеся в прессе предположения, Шишманов отрицал возможность усиления власти царя и милитаризма в силу того, что народ, состоящий «почти исключительно их крестьян и мелкого городского люда», сумеет сохранить «свои демократические учреждения». «Гораздо более достойной внимания мне кажется вторая забота, относящаяся к внешним осложнениям, могущим возникнуть при окончательной ликвидации Европейской Турции. Но о ней надо побеседовать особо», – закончил письмо профессор, не уточнив, речь шла о трениях между союзниками или о позиции великих держав²⁴.

Против «неправильного понимания» войны в своем письме Милокову писала и жена Шишманова – Лидия Драгоманова-Шишманова, выступив противником пацифистов. «Но совсем иначе обстоит дело с нашей теперешней войной с азиатами, за свободу поработенных братьев*. Неужели приходится толковать Вашей молодежи, что, к несчастью, свободы завоевываются?»

Вообще по отношению к туркам и специально младотуркам в России не достает просто знания фактов и реальности. Турки, против которых пошел наш народ, не мирные мусульманские крестьяне... – турки же каста владычествующая, класс эксплуатирующий года-века несчастных рабов и дерущих с них по три шкуры». Простые турецкие крестьяне для них – пушечное мясо, а «зверства, совершаемые ими, у культурного человека возбуждают отвращение не к ним, а к тем на вид только образованным... весьма представительным салонным львам, пока они живут в Европе, младотурецким пашам, которые дома у себя продолжают быть варварами». «Мы, видевшие как болгарский народ (именно народ) пошел на эту войну, с каким достойным величием (именно величием!) он понес тот ужас-

* Молодых культурных народов против полуварваров угнетателей (прим. Л. М. Драгомановой-Шишмановой).

ный крест, мы знаем, что ему, давшему уже все – жизнь, имущество, – уже нечего давать. Мы знаем, достоин ли он симпатий и помощи цивилизованных народов, или же наши угнетатели, влекущие за собой орды дикарей?»²⁵.

* * *

В конце 1912 г. Милоков совершил поездку по Балканам. Сперва он посетил Белград, и 24 декабря Шишманов туда, в отель «Москва», послал ему открытку с просьбой сообщить, когда лидер кадетов прибудет в Софию²⁶. В болгарской столице царь Фердинанд предложил ему встретиться. Беседа проходила в зоологическом саду, где болгарский монарх хранил свою орнитологическую коллекцию. У Милокова суть разговора в памяти не сохранилась, поскольку он носил «преимущественно комплиментарный характер»²⁷. Вторая их встреча была уже официальной. Фердинанд произнес блестящую, заранее продуманную речь. Затем привели наследника престола в сопровождении его учителя, русского священника. В конце монарх перешел к сути: «Убедите царя уступить мне Родосто»²⁸. Но и после того Милокова не оставляли в покое. В первых числах января ему прислал конфиденциальное письмо Шишманов, передававшее информацию от начальника тайного кабинета царя Добровича. Сообщалось, что Фердинанд рекомендует Милокову встретиться с министром Христовым²⁹. «Я думаю, что лучше сделаете, если пожертвуете Спалайковичем³⁰ и другими визитами для рекомендации царя (которого очевидно Вы обворожили)», – добавил от себя профессор³¹. Милоков отметил, что поздно вечером к нему в гостиницу явился Христов с секретным поручением, подтверждавшим просьбу о Родосто, и передал на память портрет Фердинанда в большой раме с его подписью». Лидер кадетов понимал бессмысленность просьбы, поэтому претворить ее в жизнь и не пытался: «Понятно, что я никаких шагов в этом направлении не предпринимал»³².

В первых числах нового 1913 г. в двух номерах «Русских ведомостей» вышла статья Шишманова, написанная еще в декабре. В ней он вновь обратился к теме верного понимания борьбы балканских народов, но при этом уже был конкретен в том, от каких кругов русского общества ищет симпатий. Он, как и ранее Милоков, признал, что балканский вопрос «в интересах самой России не должен и не может быть монополией исключительно славянофильских и вообще консервативных русских кругов», поскольку симпатии «выражаются сплошь и рядом в таких формах и с таким привкусом, что не могу не оттолкнуть от себя наиболее сознательные и последовательные прогрессивные круги», а это девальвирует значение войны на Балканах и приводит к отторжению ее прогрессивной частью общества. Он вступил с полемикой с «одним из лучших представителей этого общества» Ф. Ф. Кокошкиным – известным правоведом, земским деятелем, стоявшим у истоков кадетской партии. Тот указывал, что поддержка крестовых походов не является делом, достойным прогрессивного человека; этническая и культурная близость России и балканских славян не могут быть признаны неоспоримыми, есть лишь одно основание для сочувствия противникам Турции – их борьба за свободу. Шишманов возражал, указывая, что болгарский народ не вкладывает в борьбу религиозного мотива, «не питает никакой органической ненависти против магометанина», поскольку восьмая часть населения исповедует ислам. Признавая неправомочность симпатий лишь по признаку близости, он подчеркнул, что сам Кокошкин отмечает демократические порядки в молодых балканских государствах: «И, действительно, все то, за что борются лучшие сыны России, давно уже установлено нашими конституциями. У нас никто не спорит об элементарных правах человека и гражданина, и самые балканские государства основываются на началах самоуправления»³³. Тем самым, указав на существующие *de jure* институции³⁴, Шишманов вновь возвращался к истолкованию Первой балканской войны как борьбы прогресса с варварством. В связи с этим, как он объяснял во второй части статьи, он ждет «чувства» от прогрессивных кругов России. Считая, что «нельзя же совершенно отрицать эмоциональный элемент в жизни и политике», он указывал и на основания для симпатий к Болгарии той части общества, которую он считал наиболее важной: болгарская молодежь и ее передовые представители воспитывались в России и под влиянием российских идей. В силу этого между русским прогрессивным обществом и болгарским есть тесная связь, которую, однако, в России не замечают, и продолжают относиться к войне на Балканах на основании «рационалистически безупречного контракта»³⁵. Как видим, Шишманов продолжал

делать ставку на либеральное общественное мнение, полагаясь на его помощь в случае дипломатических осложнений.

После падения Адрианополя в марта 1913 г. состоялся визит в Софию известного деятеля неославистского движения А. А. Башмакова, с которым на банкете встретились Шишманов, поэт И. Вазов, этнограф Л. Милетич и другие. Башмаков, сам во время поездки по Македонии в начале века пришедший к выводу, что население региона болгарское, призывал к уступкам. Шишманов записал в дневнике суть его речи. «Если нет Адриатики – нет болг[арской] Македонии. Вы должны помочь Сербии. Маленькая, Австрия ее удущит. Во имя славянства... Башмаков представил соглаш[ение] Болгарии как “ортчество”. Поскольку сербы потеряли Адриатику, мы должны их вознаградить в Македонии. Во имя славянства»³⁶. Такую позицию Башмаков считал наиболее рациональной для сохранения Балканского союза. 1 апреля он отправил письмо Николаю II, умоляя того выступить арбитром. По его мнению, сербы «стоят на ложной почве», требуя пересмотра договора. Но болгары «сами уклонились от некоторых обязанностей, на них лежавших по духу договора – тем, что они не дали сербам открытой и сильной поддержки, когда Австрия (в ноябре 1912 г.) домогалась отнесения сербов от Адриатики». В таком случае, по его мнению, утрата выхода к Адриатике давала Белграду «достаточное основание к дополнительной претензии о территориальном возмещении их ущерба»³⁷. Судя по дальнейшим событиям, Шишманов логики Башмакова не разделял.

30 марта он выразил Милюкову благодарность за «умную речь» в Тенишевском зале, а спустя 12 дней отправил примечательное письмо. Сначала он поблагодарил за собранные дополнительные почти 1000 левов для раненых, поскольку «нищете не видать конца», а затем перешел к делу.

«Что скажете о поведении наших «братьев», которые хотят a grand cris* ревизию Тайного договора от февраля 1912 г.?.. не меньше поражены тут преступным <...>** отношением вашей прессы к вопросу, от правильного решения которого зависит все будущее идеи балканского союза.

Сообщают нам, чтобы мы принесли новые жертвы, согласились на еще одну ампутацию pour les beaux yeux*** какого-то панславистского фантома... Дорогой Павел Николаевич – никогда болгарская демократия не обращала взгляды к **Вам** с такой верой в **Вашу поддержку** как в этот момент священного гнева, возмущения позорным поведением наших союзников. – Помогите правде восторжествовать. Этим Вы спасете и идею, которая Вам дорога: идею балканского союза». Иначе, считал Шишманов, и русофилы «поколеблются в своей беззаветной вере, усилятся их оппоненты, ведь «взгляды вновь начинают обращаться к Тройному союзу****». «Я бы предпочел взять отпуск на весь семестр, – заканчивал письмо Шишманов, – и отправиться поработать над материалами, которые собрал об истории русского конституц[ионного] движения в 80-е годы. Понадобится увидеться с некоторыми вашими людьми и просмотреть некоторые материалы в Москве и Петербурге. Может быть, получится освободиться и тогда я буду иметь случай близко с Вами поговорить о злободневных вопросах»³⁸.

Судя по всему, Шишманов действительно исходил, прежде всего, из научных интересов. Еще в январе 1913 г. из Софии он писал бывшему народнику З. К. Арборе-Ралли: «В последнее время увлекся вопросом о влиянии русских прогр[ессивных] людей на наших революционеров. Вы бы могли мне многим помочь своими личными воспоминаниями»³⁹. В феврале и марте он вел переписку с историком русского революционного движения В. Я. Богучарским относительно политической программы Земского союза графа П. П. Шувалова и А. И. Желябова⁴⁰, а в мае уже был в Петербурге, собираясь посетить Москву, где его в гости звал философ Б. Кистяковский⁴¹.

Весной 1913 г. появилось воззвание Болгарской академии наук. Ссылаясь на «Энциклопедию славянской филологии», подготовленную российскими учеными, БАН указы-

* Во весь голос.

** Далее слово неразборчиво.

*** Ради чьих-то красивых глаз, т.е. бескорыстно.

**** Имеется в виду Тройственный союз.

вала на преобладание болгарского элемента в Македонии. Помимо этого, в документе было выражено возмущение притеснения населения спорной территории «со стороны сербских общественных деятелей и администрации», что «несомненно, подрывает всякую славянскую солидарность». На это воззвание Белград отреагировал заявлением собственной Академии, дав понять Софии, что не дело научных учреждений критиковать правительства или выступать третейским судьей в спорах государств⁴², и письмом ученого секретаря Академии Л. Стояновича, где утверждалось, что цель этих выступлений – подчинение и уничтожение Сербии⁴³.

Действия академий в мае 1913 г. в Петербурге вызвали дискуссию, развернувшуюся в Обществе славянского научного единения. И это было одним из последних аккордов шестидесятилетней борьбы за благосклонность русского общественного мнения, поскольку доклады были изданы лишь в 1915 г.: после майского заседания авторы разъехались по отпускам, один из участников скончался. Как запомнил это собрание его участник, М. М. Ковалевский, там присутствовали несколько десятков слушателей, и велись споры о Македонии между сербским профессором Беличем и профессором Софийского университета «Шишмаревым»⁴⁴. Помимо них выступал ряд публицистов и ученых, как сербского, так и русского происхождения. В основном выступающие придерживались сербской позиции или же считали необходимым какое-то сложное решение при помощи международного арбитража⁴⁵.

Шишманов в своей речи в довольно издевательском тоне отозвался о той части вышедшей в издательстве «Нового времени» брошюры А. Белича «Сербь и болгарь в Балканском союзе», где доказывалась беспристрастность автора, после чего приступил к опровержению тезисов об этнографическом и культурном преобладании сербов в Македонии. По его мнению, указание на наличие королевича Марко в эпических сказаниях – недостаточный аргумент, поскольку фольклор способен мигрировать, и привел в пример присутствие в Италии циклов о короле Артуре и Карле Великом: «Для нас генезис Маркова эпоса еще не достаточно ясен». Обряд слава⁴⁶, по его словам, существует у многих народов, а такой германский обычай, как рождественская ель, наблюдается во всей Европе. Едко он ответил и на тезис Белича о принятии сербами имени «бугари» как попытки избежать притеснений в силу негативного восприятия всех сербов османскими властями: «Насколько известно, греки в начале XIX ст. были не менее бунтовщиками, чем сербы, и все-таки им не приходила в голову странная мысль называться болгарами, только лишь бы спастись от турецкой беды. Я удивляюсь, как г. Белич и Цвиич не чувствуют, как их остроумная догадка обидна, в сущности, для национального самолюбия сербского народа»⁴⁷. Возмущенный этим пассажем белградский профессор попросил слово для выражения протеста, которое было ему предоставлено в конце заседания.

Сначала Белич ответил македонцам-автономистам. Они заявляли о существовании их отдельного языка, но, поскольку не имеют специального образования, не могут судить о таких категориях, поэтому им лучше выступать не в роли экспертов, а в роли объектов изучения⁴⁸. Затем обратился к Шишманову. Начал он свою речь с отказа отвечать на возражения болгарскому профессору, поскольку тот не являлся филологом и по этой причине понять его аргументацию не в силах. Отверг он и довод болгарской стороны, указывавший на то, что население Македонии называет себя «бугари», поскольку «усвоение чужого названия разве может определять что-нибудь для собственного самосознания народа»? Закончились прения в Обществе словами Белича о том, что «в документе болгарской академии даются совсем неточные и неверные указания, разобраться в которых мог бы и первокурсник любого университета». В ответ на это, как отмечено в отчете о заседании: «Проф. Шишманов подымает шум, и со словами “профессор Белич ставит целую болгарскую академию ниже первокурсника” уходит из зала»⁴⁹. Таким образом, болгарский ученый был вынужден отступить с «поля боя», пусть напоследок и громко хлопнув дверью. Заседание приняло резолюцию 16 мая 1913 г., где сообщалось, что ввиду сложности и запутанности проблемы единственным выходом из ситуации является арбитраж. «Будет ли этим арбитром Россия или гаагский трибунал – это должны исключительно решить спорящие стороны»⁵⁰.

Вскоре Шишманов покинул пределы Российской империи. Вернулся в них лишь тогда, когда она перестала существовать, в качестве посла независимой Украины. Но и после трагического разрешения сербо-болгарского спора Иван Шишманов и его супруга пыта-

лись защитить болгарское дело, посылая письма и статьи. Одно из них – отправленная Л. М. Драгомановой-Шишмановой статья для «Речи», которая показывает, насколько она, оказавшаяся в Болгарии волею судьбы, приняла близко к сердцу судьбу этой страны и ее народа. Статья шла вразрез с русскими общественными настроениями после лета 1913 г., но столь ярка, что стоит ее процитировать целиком, приведя в соответствие с современными нормами русского языка:

«Два полюса.

Ночь, экспресс мчится по ущельям Тирольских Альп. В купе невыносимо душно. Выхожу в проход и сажусь на узкое кондукторское местечко. Всего три дня как судьба на короткое время вырвала меня из водоворота переживаний, связанных с балканскими войнами и их страданиями. Наивно удивляешься, что кругом идет жизнь, чуждая этих ужасов: люди радуются и мучатся помимо восточного вопроса и всех его усложнений. Смотришь и жаждешь еще больше то же покоя, отдохновения. Но в душу молотком стучат слишком сильные впечатления целого года... Поезд летит, мелькают черные силуэты гор и деревень с острыми церквями. Движение убаюкивает... но вот входит из соседнего вагона вежливый молодой человек и спрашивает, слегка приподняв шляпу, по-французски, где салон ресторан: спереди или сзади? Завязывается разговор, банальный вагонный, о духоте, о тесноте. Вдруг на вопрос, откуда еду, отвечаю просто без задней мысли: «Из Софии» – «Из Софии??? Вы... болгарка?..» – «Да!» – «А я, я турок! Знаете, через несколько лет, мы все назад заберем: и Вас, и сербов, и греков!» – «Поздно, молодой человек. Вы сгнили. Нужно было думать об этом раньше, дать реформы вовремя, и вы все бы сохранили». Но мой собеседник вдруг приподнимая шляпу говорит: «Мадам, я шутил, извините: я серб из Белграда!» – «Серб!» Невольно отодвигаюсь, но стенка вагона не поддается всему движению назад моей души, тому *movement de repulsion**, которого не почувствовала при слове «турок». – «Я серб студент в X-ом университете. У меня есть дорогие товарищи болгары. Я жалею, *je regrette infiniment la dernière guerre***. Это несчастье, это несчастье... Я не знаю, как я с ними встречаюсь». – «Но верьте, лучше не встречайтесь... пока. Между вами пропасть.» – «Но я уважаю болгар. Я очень жалею... все ж таки... (с юношеской угрозой в голосе) вы увидите что будет через 3–4 года!» – «Что же будет?.. Мы три народа окажем болгарам... или балканский союз, или конец...» – «А вот как? Ну, а грекам вы доверяете?» – «Ну греки, оставим их, греков я не люблю!» – «В самом деле? А о румынах что вы скажете? О том что сделали румыны?» – С живостью своей расы и своих лет мой собеседник признает: «*Au cela, Madame c'était lâche****! Это было в нашу пользу – *mais c'était lâche.*» – «А Россия?» «*Peuf! Россия!* (презрительная гримаса вокруг рта) Знаете, я не люблю Россию. Конечно наш простой крестьянин очень благодарен ей, что она дала ему Македонию. Но Россию – *reuf* – Россией мы не любим!» – «Ну да, конечно, – думаю я, – вечный парадокс: та Болгария, в которой русский язык обязателен в школах, где каждый второй образованный человек говорит по-русски, где русская литература и наука разливаются по всей стране, где неправильное отношение России к чувствительным вопросам так горько, так болезненно отзывается во всех сердцах, была и остается для многих русских “неблагодарной Болгарией”. А Сербия, столь дорогая славянофильским сердцам, всегда бывшая совершенно чуждой всему русскому†, интеллигенция которой “не любит России”, кажется многим, благодаря ее истеричным крикам против Австрии, более достойной славянских симпатий. А ведь этот студент сказал мне правду – одну лишь правду: русских они не любят. Он болтает по душе с проезжей дамой, хвастается успехами со смешком торжества на губах. – «Ах, Madame, но как болгары с нами поступили!» – «Как так поступили? А что сделали вы в 1885 году?» – «*O alors nous avons été poussés par l'Aubriche!*****» – «И спасе-

* Движение отвращения.

** Я безмерно сожалею о минувшей войне.

*** В этом, Мадам, это подло.

† Еще отец мой М. Драгоманов говорил, что сербы в его время выписывали лишь 2 номера Вест[ника]. Европы, а болгары больше сотни, а все провинциальные дома питались «Нивой» (прим. Л. М. Драгомановой-Шишмановой).

**** В то время нас подталкивала Австрия.

ны Австрией!» – прибавляю я, – а теперь кто вас толкал?»* – «Но теперь болгары поступили с нами так некавалерски, так некавалерски!» – «Пожалуйста, не говорите о кавалерстве: у вас ведь убивая королев, швыряют их тела за окно, растоптав при этом». – «Oh! Cela c'est pour la patrie! C'est aussi pour la patrie»** – «Oh, bieu merci, cela promet! (Думаю с ужасом, что ожидает македонцев во имя этого лозунга «pour la patrie!») – «Да, ваши болгары хотели все забрать, а теперь Охрида, Битоля и Велес сербские и останутся на веки такими. Через пять лет в Македонии не будет ни одного болгарина?» – «И вы, образованный молодой человек, студент, этим хвастаетесь? Что вы сделаете с городами, как Охрида, где нет ни одного серба?» – «Да, конечно нет, потому что там хозяйничает уже 40 лет болгарский экзархат!» – «Ну послушайте, ведь я не какая-нибудь ничего не знающая европейка! Мне, болгарке, не говорите таких вещей! Ведь вы также хорошо, как и я, знаете, что сорок лет тому назад сербы и не думали ни о какой Македонии. Глаза их были обращены на Боснию и Герцеговину, т.е. туда, куда и следует. Более того, раз в знаменитом договоре были означены **беспорные** болгарские зоны с Охридом, Битолей и Велесом – значит лишь год тому назад Сербские политики признавали эти земли **бесспорно болгарскими**, иначе б они были предателями своей родины» – «Как бы то ни было, через пять лет Македония будет сербской! Я не говорю что в Македонии совсем нет болгар! Ну en a il y en a!***» – «Oh bieu! Vous etes bieu gentil, je vous remercie****» – «Но через пять лет не будет ни одного. Так решил Господь!» – «Молодой человек, не вмешивайте бога в грязные человеческие дела. Через пять лет, если умрет Франц Йосиф, австрийцы заберут и Санджак, и Салоники, и многое другое. Австрия действует лишь навверняка» – «Через три года, madame, лишь через три года не будет Албании, и Сербия будет владеть Адриатикой. Мы готовимся, о, как мы готовимся, мы не теряем времени.» – «О, в этом я уверена: вы, братья, вы, союзники, **7 месяцев** до второй войны укрепляли камень за камнем против болгар всю границу, пока наши держали быка за рога на Чаталдже. Султан-тепе – гордо взятую у турок для вас нашими ополченцами македонцами, вы обратили в первоклассную крепость и посеяли овес, чтобы скрыть это. Семь месяцев тому назад, еще в прошлом году, вы предали нас, nieriez-vous*****?» – «Как, да это мы вам взяли Адрианополь! И зачем только Пашич (ругательство по адресу министра) послал вам наших. Зачем погубило там 3 тысячи сербов!» – «Да и 15 тысяч болгар зачем. Но послушайте, молодой человек. Вы заблуждаете всех в Европе. Но ведь мы с вами знаем, что вы не взяли Адрианополь и Шукри-Пашу. C'est baon pour des francais?» – «Что же вы скажете, Madame, что сербы совсем не брали Одрин?» – «Нет, сербы с болгарами вместе осаждали Одрин. Но ведь вы отлично знаете, что **взят** был **восточный** сектор.» – «Ах, этот восточный сектор! Он-то и погубил Болгарию. И зачем только Пашич послал туда наши войска. Да и вообще все преувеличено в болгарских победах. Всю войну с турками решила **Кумановская битва**.» – «Э, послушайте, за кого Вы меня принимаете? C'est bon pour les profanes. Читайте кого угодно из военных капациетов*****, всюду встретите одно и то же: Македонская турецкая армия была обречена на гибель между тремя врагами и отрезанная от базы!» – «Как? Турки были бы в Белграде в 5 дней и в Софии – в 3, если бы не Кумановская победа. К черту всех военных специалистов и их мнения! А Битольское сражение? **Первая битва во всей Мировой истории!** Так выразилась о ней вся attaches militaires*****» (Мой собеседник совершенно забыл, что он только что выразил презрение всем военным специалистам.) – Слушаю и думаю: «Никогда ни один болгарин, самый последний Бай Ганно⁵¹, не способен на подобное заслепленное самохвальство: первая битва в Мировой истории! Rien qui cela de luxe». – «Enfui, – говорю, – Куманово, c'est tres bien. Я не отрицаю серьезности этого сражения,

* Что вы делаете в Македонии? Насильно всех посербиваете. Мой муж видал черное от побоев тело болгарского архимандрита (прим. Л. М. Драгомановой-Шишмановой).

** О! Это для родины! Это также для родины!

*** Есть.

**** Вы очень добры, я вам благодарна.

***** Вы это отрицаете?

***** Болгаризм – авторитет, сведущий в деле человек.

***** Военные атташе.

но ведь вы знаете отлично, где были главные силы турецкие, а также что Кирклисе предшествовала Куманово. А что касается Македонии, то ею Вы подавитесь еще не раз, прежде чем проглотите. Маленьким государствам не позволено как большим народам <...>* sans gene** <...>*** чужую национальность. Такие способы могут удаваться Пруссии и России, да и то не так легко. Помните мое слово: На Македонии вы зубы себе сломаете, а Австрия у Вас за спиной.» – «Австрия? Ха, ха! Так знайте же, что если б Болгария была одна против нас, без Греции и Румынии на нашей стороне, она и тогда ничего не могла бы с нами сделать! Ничего! Но вообще: je regrette****. Я потерял на войне брата и как я встречу с моими товарищами болгарами?»

Нам больше нечего было друг другу сказать; мы были и остались на двух полусах, но студент не уходил, он вертелся вокруг меня, опираясь о стены вагона и окно. Я его притягивала. Для меня его присутствие было более чем тягость, но он не уходил, хотя видимо тоже волновался.

«Вас что-то грызет молодой человек». – «Что меня грызет?» – «Совесть Вас грызет». – «И не думает». – «А Македонией вы все ж таки подавитесь даже “pour la patrie”. А ваших camarades bulgares† оставьте пока в покое». И ушла в духоту моего купе.

Лидия Шишманова-Драгоманова. Женева. Ноябрь»⁵².

* * *

Как видим, профессор Шишманов с самого начала Первой балканской войны старался повлиять на русское общественное мнение, сначала дистанционно доказывая прогрессивный характер изгнания турок из Европы, затем же, когда возникли трения между союзниками, он прибыл лично заступиться за интересы своей родины. Но его ориентация на либеральную часть общества оказалась ошибочной – основная часть населения воспринимала войну как борьбу православных с «нехристью-турком» или славянства с германизмом⁵³, потому и логические построения Шишманова казались надуманными. Конфликт между Болгарией и Сербией показал и вовсе безрезультатность усилий на поле общественного мнения. Во время Первой мировой войны, когда возникла возможность пересмотра Бухарестского договора 1913 г. и передела Македонии, И. Шишманов отправился в вояж по скандинавским странам, где в общении с представителями различных государств пытался нащупать почву для удовлетворения болгарских претензий. Он вновь искал поддержки именно у «прогрессивных» представителей общества. В Россию же он на защиту болгарских интересов больше не приезжал – слишком изменились отношения между двумя странами.

¹ Конева Р. Иван Шишманов и обединена Европа. София, 2011. С. 19–22.

² Илчев И. Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995. С. 113.

³ Стаматов Л. Записано и съхранено – застиналата кръв на времето // Шишманов И. Дневник / Подг. за печат И. Бурилкова, Ц. В. Билярски. София, 2003. С. 6.

⁴ Конева Р. Иван Шишманов и обединена Европа. С. 9

⁵ Гечева К. Иван Д. Шишманов. Биобиблиография. София, 2003.

⁶ Илчев И. Родината ми – права или не!... С. 349–350.

⁷ Шишманов И. Дневник / Подг. за печат И. Бурилкова, Ц. В. Билярски. София, 2003; См. также: Дичев Б. Писма на проф. Иван Шишманов до Щаба на Действащата армия (1917–1918 г.) // Летописи. 1994. С. 202–218.

⁸ Конева Р. Европейският и паневропейският културен оптимизъм на Иван Шишманов // Балканистичен форум. Кн.1–2–3. София, 2009. С. 288–307; Конева Р. Иван Шишманов и обединена Европа...; Проф. Иван Д. Шишманов – възрожденецът и европеецът / Съст. Г. Константинов. София, 2012.

* Слово неразборчиво.

** Бесцеремонно.

*** Слово неразборчиво.

**** Я сожалею.

† Товарищ-болгар.

- ⁹ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 120, 213; *Табурно И. П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 125.
- ¹⁰ *Миллюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 172.
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 29.
- ¹² *Чириков Е. Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 27об.
- ¹⁴ Русские ведомости. 1912. 15 ноября.
- ¹⁵ Русские ведомости. 1912. 17 октября.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. Ед. хр. 278. Л. 28об.
- ¹⁷ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 29об–30.
- ¹⁸ Там же. Л. 38об.
- ¹⁹ Бобринский В. А. (1867–1927) – российский политик, один из лидеров неославистского движения, монархист.
- ²⁰ Бобчев С. С. (1853–1940) – болгарский политик, во время Балканских войн – посланник в Петербурге.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 24.
- ²² *Воронкова И. Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 25.
- ²³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 35–36об.
- ²⁴ Русские ведомости. 1912. 15 ноября.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1785. Л. 21–23.
- ²⁶ Там же. Ед. хр. 6230. Л. 39.
- ²⁷ *Миллюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). С. 121.
- ²⁸ Там же. С. 126–127.
- ²⁹ Видимо, Димитр Христов – министр земледелия и государственного имущества.
- ³⁰ Спалайкович М. И. – сербский дипломат, во время Балканских войн – посланник в Софии, затем и до 1919 г. – посланник в Петербурге (Петрограде).
- ³¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 40.
- ³² *Миллюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). С. 126–127.
- ³³ Русские ведомости. 1913. 5 января.
- ³⁴ Об этом см.: *Гришина Р. П., Шемякин А. Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4.; *Их же.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014.
- ³⁵ Русские ведомости. 1913. 6 января
- ³⁶ *Шишманов И.* Дневник... С. 150.
- ³⁷ *Елджоров С.* Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александър Александрович Башмаков // Македонски преглед. Т. XXXII. 2009. № 4. С. 140.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6230. Л. 45–46об.
- ³⁹ Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 1019. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 3.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 59, 61–64.
- ⁴¹ Там же. Л. 65–67.
- ⁴² Сербско-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Приложение. Пг., 1915. С. 1–5.
- ⁴³ Там же. С. 9.
- ⁴⁴ *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: воспоминания. М., 2005. С. 324.
- ⁴⁵ *Гусев Н.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. 2014. № 6. С. 85; *Гусев Н.* Руски «фронт» борбе за Македонију: срби и бугари у Петербургу 1912–1913. године // Војноисторијски гласник. 2015. № 2. С. 91–93.
- ⁴⁶ Слава – обычай празднования дня семейного или родового святого, с приглашением близких и родственников.
- ⁴⁷ Сербско-болгарский спор... С. 69–81.
- ⁴⁸ Там же. С. 144.
- ⁴⁹ Там же. С. 149–160.
- ⁵⁰ Сербско-болгарский спор... Приложение. С. 11.
- ⁵¹ Сатирический персонаж болгарского писателя А. Константинова, в котором высмеивался тип самодовольного, но малообразованного болгарина.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1785. Л. 9–17.
- ⁵³ *Гусев Н. С.* Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5. С. 44–46.